

DOI: 10.15643/libartrus-2024.4.1

**«Мядали мы выдали»: к 30-летию «Пьяного кучера»
Л. Дербенева (философские силвы
о национальной тристии)**

© В. В. Ильин

*«Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана»
(Калужский филиал)*

Россия, 248000 г. Калуга, улица Баженова, 2.

Email: vvilin@yandex.ru

*На фоне примечательной юбилейной даты – 30-летия выхода в свет граждански выстраданной лирической поэмы Л. Дербенева «Пьяный кучер» – актуализируется обсуждение известной отечественной сюжетики «власть – народ» в ответственном социальном служении. Основное, что, по мысли автора, предстоит сделать, – покончить с российским порочным *insenium tardum* – обслуживать судьбой нации обмирщение «великих» проектов; только та общественная модернизационная инициатива приемлема, какую санкционирует народ.*

Ключевые слова: *власть, народ, власть народа.*

На амбивалентность певческого фальцета – высочайшего звука тонкого мужского голоса – обращал внимание Тынянов [5]; мы указываем на амбивалентность символического фальцета – проникающего в самое ядро жизни высочайшего семантического тона, звука определенной содержательной глубины. Именно подобным фальцетом выполнено пронизательное произведение Л. Дербенева «Пьяный кучер» (на злобу приснопамятного ельцинского правления), передающее гамму оттенков, красок отечественного существования, национального строя вершения собственной истории, обусловленного типом обращения власти с подвластным подножием – могучим, но многострадальным российским народом.

Кричащие, веские слова, осуществляющие эмоциональное схватывание сути дела, пронизывают болью заскорузлой безысходности: пустой, самонадеянный, скабресный (притом – в меру трезвый) филистер идет на всех, оставляя за собой пустыню; вопреки благовестованию Матфея [4] – к сокровищам святым человечности прикасается сила тления.

Сложное чувство прорывающегося сквозь кору страдания нарастающего отвращения к своей доле активизирует масштабный философско-антропологический сюжет: «человек в ответственном ему времени».

Тут все непросто. С одной стороны, «времена не выбирают»; время – суть люди с присутствиями им достаточно предрешенными извивами действий: погруженные в локализмы темпоральности, они скованы в выборе, в полной мере не принадлежат себе. Люди – во времени; оно – в них. Время и люди – одно и то же, о чем без излишеств патетики не уставали напоминать пытливо философствующие Карякин с Дедковым. С другой стороны, наитягчайше сознавать себя агентом безвременья, сардонически наступающего на заветное, святотатственно отменяющего богатство и культуру.

Безвременье – тлетворный провал человечности, погибельный период экзистенциального неустоя.

Неустрой – нарушение и разрушение нормальности жизнетока, – потрясает масштабом разупорядочивающего эффекта. В публичности – безбереговость: «молчит закон – молчит народ» (Пушкин); буйствует безнарядье: в отсутствии животворности дальней отдачи «самодержавная толпа сплоченной посредственности» (Герцен) разгосударствует державу, расчеловечивает лицо. В приватности – безнадежность: во всех и всяких взглядах на себя, случающееся – застывшая боль.

Складывается деморализующая аморфная эстеziология духа: чувственные модальности (чувства жизни, Родины, самостоянья etc.) покрываются бесформенно-расплывчатыми тяготениями в сторону эскапизма, абсентеизма (социальная, персональная маргинализация, абстиненция). Говоря обобщенно и односложно, атрибутивное безвременью невыверенное глумотворство, повсеместно насаждающее произвол, а с ним – существовательное неудобье, всесторонне истощает энергию совокупного гуманитарного зодчества, деструктивно подламывает исконно крепкие основы народной жизни.

Тристию – надрывную, заунывную песню о лихолетье ельцинского безвременья, когда, прибегая к слогу Сенеки,

...неведомое миру
Ужасное для неба и земли
Встает в уме, –

и заводит Дербенев, нажимая на чувствительное и чувствительно нажимая:

Темных туч хоровод над дорогой осенней...
Наша тройка летит, подминая бурьян.
Ну зачем, ну зачем в эту бричку мы сели? –
Мы же видели ясно, что кучер был пьян!
То ли вороны над нами, то ли тучи,
На душе темно, а ночь еще темней...
А над кручей, а над кручей, а над кручей
Пьяный кучер гонит взмыленных коней.
И кого обвинять нам, усталым и грешным,
Что с обрыва вот-вот полетим под уклон,
Что мордатый мужик, от вина охмелевший,
Нашу жизнь, не спросив нас, поставил на кон.
То ли вороны над нами, то ли тучи,
На душе темно, а ночь еще темней...
А над кручей, а над кручей, а над кручей
Пьяный кучер гонит взмыленных коней.
Мы к прогулкам таким не имели привычки,
До сих пор не спеша мы ходили пешком.
Ну зачем, ну зачем в эту бричку мы сели,
Словно кто-то ударил нас пыльным мешком.
То ли вороны над нами, то ли тучи,
На душе темно, а ночь еще темней...
А над кручей, а над кручей, а над кручей
Пьяный кучер гонит взмыленных коней.
Что ж простимся, господа, на всякий случай,

Знать до одури напился дуралей.
Пьяный кучер, пьяный кучер, пьяный кучер
Гонит, гонит, гонит взмыленных коней.

По всему видно: произведение Дербенева – вариация претекстаты – продуманного трагедийного повествования не на римскую, но национальную историческую тему, версифицируемую в семантике элиминирующего префикса «без (бес)».

I куплет: смысловой зачин в недискурсивном модусе «музыки доказательства» (Мандельштам), представляющий самостоятельную пьесу (увертюру) программного характера.

В тенетах расплывчато-мрачного образа «темных туч», вовлеченных в бесцельное круговое движение неведомой им правилонесообразной игры, – «хоровод над дорогой осенней» – оконтуривается диспозиция уныло увядающего не природного, но экзистенциального ландшафта с раздосадывающим состоянием пребывания в «правдивом абсурде», отменяющем человеческую статью, существо которой – выражать наиглавнейшее в жизни: человек, народ, люди – сами для себя; – их призвали в мир для обретения счастья.

Вместо чаямого же, – как бы выразился Лейбниц, – фульгурация – встраивание в мутные потоки политически излучаемой истины, истечение гражданского правдоборства, обслуживание сомнительных починов, идущих из чьих-то горячечных голов.

Между людьми и властью может ли быть «вечный союз дружбы», основания которого искали издревле? Заветной формулы до сих пор не выработано, однако важны искания и выстраданное убеждение: ее не выработать при стремлении пагубного дилетантского владычества решать проблемы банкротством народа [3].

«Судьба у нас отнять богатство может, отнять не может дух», – благодушествовал Сенека. Судьба у нас посредством монструозного господства и подчинения претендует и на последнюю ценность: покушается на лишение нас духа.

В режиме обездуховленного существования – сумеречного прозябания в неопределенно-неопределимой реальности, власть распаляется – отворяет ворота любых «лживых грез», репродуцирует наиболее короткие, дремучие средства народоукротительства. Негоголевская нептица-тройка, не летя, – не летит (рожденный ползать летать не может); не вздымаясь к высотам, несносно пылит, лишь «подминая бурьян». В обстановке всеохватной замшелости вольготно чувствуют себя ферменты дереализации: в наглухо запечатанном обездуховленном самосознании не пробиваются ростки неотыквленного прозрения; все, на что способно органическое воспроизводство самости, – риторическое сетование: «ну зачем, ну зачем», не воспрепятствующее нерасчетливому действию – с пагубной характерной склонностью безропотно, покорно садиться во влекущую в абсурдное незнаемое пресловутую неприспособленную к езде по бездорожью (едва не чичиковскую) неуютную легкую (легкомысленную) повозку – бричку.

Безответность эмоционального вопроса (в конце концов, зачем же в нее мы сели?), отдающего негативным ретарде на самую вопрошающую инстанцию, усугубляется в подспудье нарастающим прозрением: «мы же видели, что кучер был пьян!» Тут следует дать волю квалифицирующему суждению: садиться в негодное орудие передвижения с негодным возницей для марш-броска куда-то? По достижению чего-то такого? Вопреки здравомыслию? Даже в отсутствии предвкушения развязного куража, разухабистого бесовского развеселья... подобный, с позволения сказать, акционизм – вне объяснений. Если не считать нерелективных этнографических апелляций к бесшабашности самоутверждения российского типа по рецептам «авось», «небось», «ничего», «как-нибудь» [1, с. 389].

«Бог не выдаст, свинья не съест»...

Воистину, – Всевышний никогда не выдает, не изменяет, не предает, верности не нарушает, но свинья-то в похабной ермолке употребить в пищу норовит: диким потугам – коротким броском, рывком, наскоком, набегом, непотребным кульбитом, затягиванием поясов – через сверхнапряжение, сверхэнтузиазм ворваться в «светлое» грядущее, занять место в Эдеме, – несть числа. Борьбой с цензовым элементом, выпячиванием комбедов, ликвидацией приусадебных, «неперспективных» сел, обновлением социализма, реставрацией капитализма... разновсяческим мечтательным ненасытным головоутипством налаживалась езда к «зияющим высотам». С неизменным разорением народа, отменой «по своим надобностям» живущего самостоятельного лица... [2]

В обреченном понимании недостижения «жизни припевающей» – раздосадывающий припев:

То ли вороны над нами, то ли тучи,
На душе темно, а ночь еще темней...
А над кручей, а над кручей, а над кручей
Пьяный кучер гонит взмыленных коней.

Какова среда нашего обитания? Полный мрак – отсутствие света; беспроглядная, исполненная печали сумеречная мгла; наводящая грусть угрюмая тоскливая тьма, представляющая раздолье всеядным черным птицам (вороны) да непроницаемым густым облакам (тучи), осложняющим жизнь неприятным карканьем и ненужными, несущими ненастье осадками.

Жизнь в модусе ужасного испытания – преддверия бурных атмосферных движений, наводящих сильный страх циклонических и циклопических вторжений, – жизнь ли?

Незаданный, но докучный вопрос снимается адресацией к самочувствию: в тупике политического руко-водительного безнарядья «на душе» – отчаянная обреченная безысходность, усиливаемая предощущением более великого горя, – рассредоточенного существования в невыносимой обстановке глубокой ночи, где в отсутствии подходящей предикации (внутреннее многоточие после 2 строчки припева) в топосе «тьма кромешная» пробивается ужасная, потрясающая нелепостью, доводящая до оцепенения подавляющая картина: над крутым спуском, обрывом (круча), где ездить-то заповедно (тремякратно возобновляемое указание на непригодное для передвижения место действия), распоясываются дремучие силы, – впрямую накатывает власть рукотворной тьмы: несуразный одиозный возница (пьяный кучер) безрассудно гонит (обязывающе безусловная глагольная фигура в семантике: принуждение, понуждение) взмыленных (сопротивляющихся истязаемому бешеному гону, доводимых до испарины, покрытия пеной) бедных безмолвных бесправных животных (коней).

Пролог исполнен; семантические реперы – базовые образы лицедеев *concerto grosso* заданы, – это:

- нависающие над неудобьем существования неразгоняемые тучи, – хмурая, сумрачная пасмурность;
- нелепо летящая (в семантике: стремительно – без руля, без ветрил мчащаяся) по судьбоносному бездорожью тройка;
- безропотные, недалновидные, оболваненные седоки – ассоциированные «мы»;
- ямщик обратный (в семантике: «себе на уме», двудонный, двурушный), на ногах едва стоящий треклятый кучер.

Наступает развитие пряного, точно заданного вступления к художественной пьесе.

II куплет: прочный базис народной жизни – нерушимый гражданский закон вкупе со святой популяционной свободой.

Как настаивает Пушкин,

Лишь там под царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье.

В отсутствии заветного блока «закон – воля» – вопиющее страдание.

Скептически-презрительное, отстраненное отношение к народу власти, не проводящей осмотрительного, сдержанного курса «сбережения», навеивает в народе отчаянное сетование: «и кого обвинять нам, усталым и грешным». Действительно: в обстановке грубого произвола, дремучего самоволия, противоправного самоуправства – на что способен сырой, замордованный, истрепанный народ? На роптанье, могущее оказаться прологом к «бессмысленному и беспощадному» стихийному бунту, либо – за невозможностью самоорганизации снизу – к тщедушному самоуколу.

Одну комбинацию опробовали непримиримые антиправительственные выступления Булавина, Разина, Пугачева; волнения неимущих слоев в первую (1905 г.), вторую (февральско-мартовская 1917 г.) революции; крестьянские мятежи (Тамбов, 1918 г.; Кронштадт, 1921 г.); восстание жителей Новочеркасска (1962 г.), в крайней своей затратности завершившиеся безрезультатно.

По закреплению в исторической памяти архетипа «плетью обуха не перешибешь» материализуется другая комбинация – приглушенное недовольство самочинием, по точному правилу усиленного подobia (выполнение рефлексивности, симметричности, транзитивности) обращенное на себя: во всех перегибах, перехлестах власти виноват управляемый уже не арапником, но еще рассредоточенный, потрафляющий капризному самочинию, закомплексованный, а потому впадающий в гнетущее самобичевание народ.

Сызнова: собственно, – кто виноват в том, что безрассудно расположившиеся в нелепой повозке, готовой (над кручей) с обрыва вот-вот полететь под уклон, ведомой порочным возницей – мордатом, от вина охмелевшим мужиком (никого не спросившим, стоит ли по заемным чикагским лекалам тащить нас в землю обетованную), в приступе административного восторга нашу жизнь поставившим на кон, тем самым беспардонно искажившим предметные опоры нашего аутентичного сущего, – кому вменить в вину сие безответственное, безобразное действие?

По трезвом размышлении – в выморочной ситуации «греха неведенья», когда некому платить незвонкой – недолговечно-фальшивой – монетой гнева отчаяния, – по меткому предложению Рубальской, правильно пользоваться самоинверсной формой: виноваты оба: ты и снова ты.

Во всем виноват благодуществующий народ, – при неработоспособности институтов, квислингианстве элиты, атрофии низовой организации, земских начал, самоуправления, – потворствующий бесовской виттовой пляске, разгулу политически импульсивного, граждански авантюрного бездарного безвкусного беспредела (оттеняемого использованием сильных уничижительных эпитетов, приземляющих атрибуций – «мордатый», «охмелевший»), – народ и только он ответствен за углубление пропасти непонимания между ведущими и ведомыми.

Пустыня неудобья в уяснении полной рассогласованности механизма колесной пары «управляющие (казалось бы, „народные избранники“) – управляемые» не форсируется каким-то облигаторным марш-маневром от искренней, через край хлещущей потуги нормализовать способ вершения национальной истории стреноженьем верхушечного волюнтарного безнарядья; – отменное желание всегда и всячески разбивается о скалу пагубы расстраивающего (в двойственной семантике: «разрушить» и «огорчить») неотвязно-назойливого припева: прошлое – протекшее бывшее; настоящее – дрящущее бывшее; будущее – подступающее бывшее. Везде, во всем – и ныне, и присно (не хочется говорить «во веки веков») едино суть: «то ли вороны», «то ли тучи» – беспросветная мгла, полный, совершеннейший мрак, сосущая сердце тоска!

Здесь – не до фантастического гротеска, сюрреалистичных гипербола, парадоксалистских и пароксистских сближений; тут – поставленная на кон жизнь в оправе безотрадной бесцеремонности, зоологической своенравности. С подобным антуражем как-то надо справляться и управляться, что-то надлежит делать. Как же? Что же?

III куплет: проблему ответственности государя перед подданными в развернутом виде едва не впервые (в неоконченном труде о правлении Ричарда III) ставил Мор, по известным причинам к каким-то ясным выводам не пришедший.

Принимая в расчет возможность досадного вырождения отечественных реалий, в силу которой благополучие правящих обеспечивается народным благополучием, поэтическая лира Дербенева исполнена пафоса спасительного очищения: в самоопределении народ возвращается к самому себе! Главное – избавиться от натужной вероисповедной линии подчиниться служению безусловным «высшим» идеям; покончить с дремучей эсхатологией форсированного обретения чаяемого (в широком диапазоне от теократии до демократии).

Русская идея – не в расходном, но приходном значении – пестует культивацию материальных, – не идеальных субстанций.

В таком курсе видения не остается простора негодующему хомяковскому «мы России не знаем» [б, с. 9], в самых неожиданных контекстах склоняемому буквально всеми нашими горе-устроителями от левых (Троцкий, Ларин, Ленин) до правых (Ельцин) радикалов. Россию не знают нелюбящие (чего стоит ленинское «на Россию мне плевать») ее конъюнктурщики; знает ее любящий ставной российский народ, первое условие возвращения к нормальному состоянию которого, – самосознание, подчеркнуто дистанцирующее от залихватского бесшабашного экспериментирования. На щит поднимается нестесненность, простота обустройства о-бывательского жизнетока, освобождаемого от претворения надуманных импульсивно-рисковых затей. В последнем – просвет в тучах, глоток свежего воздуха в давно непроветриваемом жилище: «мы к прогулкам таким (по придирчиво навязываемому маршруту) не имели привычки»; без прямых спецификаций динамики «до сих пор не спеша (без понуканий, резких приказных окриков) мы ходили пешком». И что же? Однажды все пошло прахом, когда, поддавшись искушению участвовать в творении небывалой счастливой нови, опрометчиво («словно кто-то ударил нас пыльным мешком») уселись мы в управляемую лихачом бричку, осуществляющую свой неправильный скороспелый бег к изоциренно-обильному лиху.

Просвет затянулся; надежда потухла. Непреклонным раскатом зазвучал тоекратно возобновленный, мрак уныния нагнетающий припев. Наметился абрис негативно трансформирующейся семантики.

Константная неопределенность, раздражающая нечеткость («то ли вороны над нами, то ли тучи») мрачного мира своей навязчивой неотменяемостью навевает бытующий в философии трудно версифицируемый образ сущего без композиции, содержания без формы. Здесь – миропредставительные картины адвайта-веданты, даосизма, парменидовско-платоновского непрявимо-непрявляемого «единого».

Когда «на душе темно», – в атрофии ресурсы миропознания, – не видно ни зги, – универсализируемая темнота – ночь в прямом и переносном смысле заполняет событийный контур: многообразие становится единообразием, свет – тенью. Ночь, отменяя день, вырастает в жизнь, – превращается в среду обитания. Человек начинает жить заочным существованием: онтологически – безопорностью; гносеологически – бездуховностью. Профаническое бытие в бесформенном мире – развоплощенное бытие «темного» бездорожного «дао», отвергающего деятельностные инкарнации.

Отсюда – безутешно-безучастная созерцательная констатация, – словно тянущееся, точно и бездумно усиливаемое трояким отражением от встречаемых предметов глумливое эхо: «а над кручей, а над кручей, а над кручей».

А над ней – все без перемен. Гоньба продолжается: противоестественный антигерой – агент действия («пьяный кучер») безбашенным противоестественным образом (сильный побудительный глагол) «гонит» противоестественную живую тягу – «взмысленных коней».

Формируется рельефная сцепка: беззаботность, безнарядность, безоглядность, безрассудность власти – безутешность, бесправность, безропотность, бесхребетность народа.

Извечная коллизия «народ-власть» имеет неоднозначную доктринальную тематизацию:

- «популяр» Цицерон держался взвешенных взглядов: «народ – не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом (не случайная агрегация – В. И.), а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права (! – В. И.) и общностью интересов (консолидирующего социального дела – В. И.)»; права народа соблюдаемы, почитаемы;
- «оптимат» Ульпиан – прямо противоположной платформы: принципс не связан законами: права народа игнорируемы, попираемы.

Куда помчит надежда, гнев, горе? – испрашивает Сенека. Недоктринальный подход выстраивается на оценке: долготерпение народа – относить ли к молчанию ягнят или волчат? В любом случае, – выводит Лукан, – предел политическому одиозу кладет захватывающая массу тотальная безысходность, не оставляющая иного выбора, как браться за ножи: «мечи даны для того, чтобы никто не был рабом!»

Нервная социальная атмосфера разрешается не любовью, – силой! (решать вопросы не силой, а любовью, – диспозиция не политических, но попечительских организаций) – до чего, правда, в расчетливой политике лучше не доводить.

IV куплет: поводырь, пастух, погонщик народу не нужен; народ – не стадо; организованные в народ люди – не поголовье скота, – только тогда они самостийно выбирают собственный исторический путь, ритм по нему движенья. Только тогда!

В неоформленном же положении «части неплотной взвеси» остается довольствоваться прощением («простимся, господа, на всякий случай»).

С кем? – собой, ибо до одури напившийся дуралей – запредельный авантюрист – авантюрный трисмегист (одиозный итоговый образ которого окаймляется выразительно усугубляющим каскадом соположенных трижды воспроизведенных понятийных рядов, обозначающих

агента действия – «пьяный кучер, пьяный кучер, пьяный кучер» и способа его действия – «гонит, гонит, гонит» несчастную, жалкую, увечную упряжку из трех лошадей), – конечно, дров наломает, под монастырь подведет. Проститься с собой, – допускающим разгул всеизничтожающего властенепотребства, поэтому, – самое время.

Однако же – прощаются не только «с кем», но и «с чем».

С чем? – самым стойлом ада, отменяющим ценность человека перед лицом власти. Говоря пространнее, расстаются с:

- узколобыми конъюнктурщиками-автократами на тронном месте;
- непронародной угодливо-услужливой элитой, искусно волнующей, смущающей народ разладной несуразной новизной;
- податливыми, опаснее врага, лакейскими низкопоклонными институтами.

Следует, наконец, понять и принять:

1. Хаос в правлении оттого, что попадают туда не достойно проводящие национальные интересы патриоты, а ищущие собственной выгоды коллаборационисты-космополиты.
2. Россия выйдет из мглы, когда времена в ней перестанут быть переходными, знаменующими запуски «величайших» проектов от «бесславного...» на поверку к еще более «бесславному...».
3. В жизни народа не бывает «безвременья»; народная жизнь не может быть подготовкой к какой-либо грядущей жизни не в «здесь-теперь». Никакая диастаза времен не конституируется политически.
4. Силы самосохранения народной полноты – внутри, а не вне ее.
5. Генеральная линия обеспечения сбережения народа отрабатывается философией «народной свободы», легкие глотки которой, по Бэкону, удаляют от Бога, а глубокие приближают к нему.

«Хей-хей», – погоняет кучер; обретающий самодостоинство, гражданскую отвагу народ не вторит ему безотрадным «ля-ля-ля-ля-ля-ля». Посему – не все потеряно.

Литература

1. Даль В. *Повести, рассказы, очерки, сказки*. Ленинград: Гослитиздат, **1961**. 463 с.
2. Ильин В. В. *Российская империя. Отжившее и живое*. Москва: Проспект, **2023**. 384 с.
3. Ильин В. В. *Россия и Запад: борьба миров*. Москва: Проспект, **2025**. 240 с.
4. Мф. 6; 19–21.
5. Тынянов Ю. Н. *Литературная эволюция*. Москва: Аграф, **2002**. 496 с.
6. Хомяков А. С. *Полное собрание сочинений в 8 тт.* Москва: Унив. тип., **1900**. Т. 1. 420 с.

Поступила в редакцию 04.12.2024.

DOI: 10.15643/libartrus-2024.4.1

“Myadali my vyadali”: on the 30th anniversary of the “Drunken Coachman” by L. Derbenev (philosophical arguments about national identity)

© V. V. Ilyin

*Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (Kaluga branch)
2 Bazhenov Street, 248000 Kaluga, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

Against the background of a remarkable anniversary date, the 30th anniversary of the publication of L. Derbenev’s long-suffering lyrical poem “The Drunken Coachman”, the discussion of the famous Russian plot “power – the people” in responsible social service is being updated. The main thing that, according to the author, needs to be done is to put an end to Russia’s vicious *insenium tardum* – to serve the nation’s destiny by secularizing “great” projects; only that public modernization initiative is acceptable, which is sanctioned by the people.

Keywords: power, people, people’s power.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. “Myadali my vyadali”: on the 30th anniversary of the “Drunken Coachman” by L. Derbenev (philosophical arguments about national identity) // *Liberal Arts in Russia*. 2024. Vol. 13. No. 4. Pp. 171–179.

References

1. Dal V. *Povesti, rasskazy, ocherki, skazki [Stories, short stories, essays, fairy tales]*. Leningrad: Goslitizdat, 1961.
2. Il'in V. V. *Rossiiskaya imperiya. Ozhivshie i zhivoe [Russian Empire. The obsolete and the living]*. Moscow: Prospekt, 2023.
3. Il'in V. V. *Rossiya i Zapad: bor'ba mirov [Russia and the West: the struggle of worlds]*. Moscow: Prospekt, 2025.
4. Matthew. 6; 19–21.
5. Tynyanov Yu. N. *Literaturnaya evolyutsiya [Literature evolution]*. Moscow: Agraf, 2002.
6. Khomyakov A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 8 tt. [Complete works n 8 volumes]*. Moscow: Univ. tip., 1900. Vol. 1.

Received 04.12.2024.